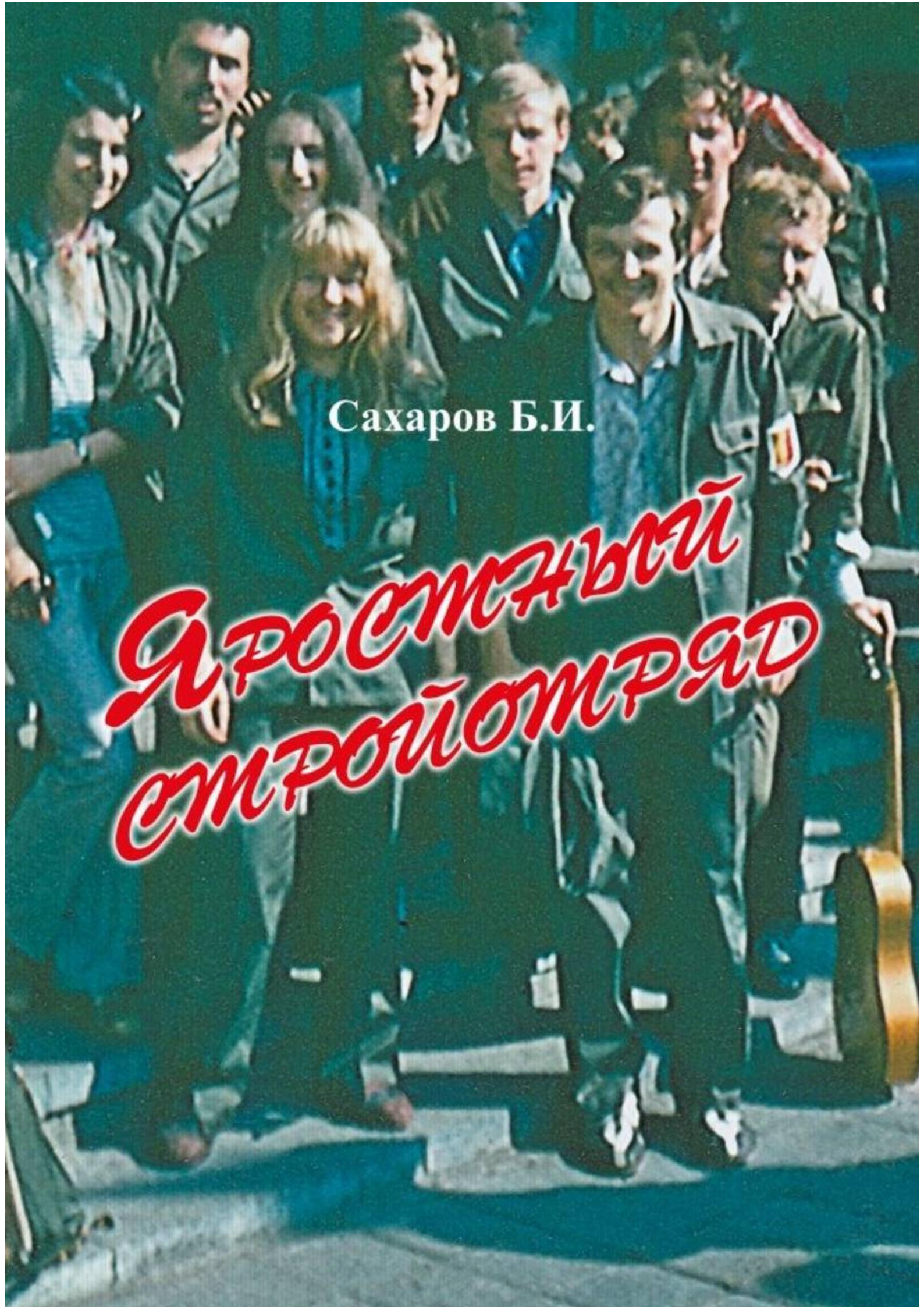

Сахаров Б.И.

*ЯРОСТНЫЙ
СТРОЙМЯД*

Борис Сахаров

Яростный стройотряд

«Автор»

2026

Сахаров Б. И.

Яростный стройотряд / Б. И. Сахаров — «Автор», 2026

Сюжет повести основан на реальных событиях 70-х годов прошлого столетия. Однако и события, и все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно. Автор попытался показать, как он помнит настроения и эмоции людей той незабываемой эпохи, их жизни, порой насыщенной драматическими событиями. Поездка в Астраханскую область на работу в колхозе научила героев повести искренней дружбе, коллективизму, стремлению поддержать друг друга. Научила не пасовать перед трудностями, сопротивляться негодям, карьеристам, лгунам. И верить в лучшее...

© Сахаров Б. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1 СОБРАНИЕ	7
Глава 2. ЗАХАРОВЫ	9
Глава 3. АНЯ	11
Глава 4. РАЗГОВОР С МАМОЙ	13
Глава 5. МИТИНГ	15
Глава 6. Новые Знакомства	17
Глава 7. В ДОРОГЕ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Борис Сахаров

Яростный стройотряд

От автора

Как бы ни называли ту эпоху: застой, социализм, авторитаризм, время дефицита, «брежневизм», — для нас это было время юности. Наше время, наша жизнь. Просто жизнь, без названий и определений. В этой «просто жизни» было всё: работа, служение, борьба за существование, дружеские споры до зари, порой до крика; сложные взаимоотношения, жаркие страстные ночи и тихая любовь, основанная не на желании обладать, а на стремлении всегда быть рядом, слушать, видеть, очаровывать...

А политика? Политики были от реальной жизни довольно далеко, но господствующая идеология сильно влияла на повседневность советского человека. Обязательными для исполнения были нелепые правила, порой абсурдные речи. Однако, все, кто смотрел на действительность реально, объективно и непредвзято, прекрасно понимали и принимали правила этой игры. Ну не бодаться же с дубом. Дуб и есть дуб. Во всех смыслах...

Любые воспоминания о прошлом, конечно, субъективны. Автору категорически не хотелось бы быть ни критиком, ни агитатором за или против порядков тех лет. Но совсем абстрагироваться от реалий политической жизни невозможно: демократия понималась, как «добрая» власть КПСС, других мнений, кроме как мнение власть предержащих, просто не было допущено излагать, не было открытых дискуссий, газет и телепрограмм с несовпадающими политическими позициями, борьба различных партий исключена, в связи с отсутствием таковых... Как учит диалектика, отсутствие конкуренции ведёт к развалу системы. Что и произошло потом.

Ярким явлением 1970-х годов в СССР были студенческие строительные отряды — ССО. Почти вся молодёжь страны участвовала в этом движении. Студенты институтов, университетов, техникумов после сдачи экзаменов на два летних месяца отправлялись помогать народному хозяйству. Работали на стройках, в сельском хозяйстве, на железной дороге, в торговле. А вот был ли это свободный выбор молодёжи, было ли добровольным желание бесплатно тяжело трудиться, живя в сложных бытовых условиях?

Тут надо бы вспомнить распространённый термин тех славных лет — добровольно-принудительно. Конечно, если ты категорически не хотел участвовать в работе ССО, тебе формально-юридически никто ничего предъявить не мог. Но атмосфера вокруг таких немногочисленных «отказников» создавалась соответствующая: перспективы успешной учёбы и, возможно, карьеры сужались, окружающие молодые люди смотрели скептически, так что индивидуалисты часто оказывались в условной изоляции. Не удивительно, что практически всем комсомольцам хотелось быть вместе с коллективом. На этом внутреннем желании быть вместе, на коллективистском воспитании, на тесном общении молодёжи, юношеской романтике держались студенческие стройотряды. Что же касается оплаты труда членов ССО, что для студента, согласитесь, немаловажно, то были отдельные выдающиеся отряды, где можно было и заработать. И всё же решающей роли деньги для стройотрядовцев не имели, как и в жизни советского общества в целом. Власть денег как будто бы не было, как и разделения людей по этому признаку. Все примерно были равны или, если хотите, бедны. Общество коллективного всеобщего гармоничного выживания... Но зато устойчивого совместного общежития, коллективизма, дружеского общения.

Стройотряды, объединяющие комсомольцев, — это ещё и возможность увидеть страну, поучаствовать в общем, важном для Родины деле. Здесь крепла дружба, у вечерних костров

возникали симпатии и привязанности, зарождалась любовь, иногда переходящая в долгие и прочные семейные отношения.

О прекрасных юных энтузиастах, друзьях — любителях подставить плечо другу, помочь и подбодрить; о любви мальчика из московской интеллигентной семьи и девочки из соседнего дома, о студенческом стройотряде образца 1973 года написана эта повесть. Она посвящается всем, кто жил в СССР и всем, кто хотел бы жить в СССР. Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Глава 1 СОБРАНИЕ

Всё началось в апреле с собрания первого курса.

В аудиторию вбежал комсорг и крикнул, надо сказать, он всегда бегал и всегда кричал, что после третьей пары в конференц-зале на 2 этаже будет общее собрание с вопросом о студенческих строительных отрядах — ССО — на летние каникулы.

— Ура! — заорали комсомольцы. Не комсомольцев в институте быть не могло, на курсе лишь 2-3 человека, поступившие после службы в армии, были партийными.

Наскоро перекусив в институтской столовке традиционным пирожком с жидким напитком, гордо именуемым «кофе с молоком», первокурсники дружно направились в огромный институтский конференц-зал, место всех крупных собраний и митингов. А вот танцы, ныне гордо именуемые дискотеккой, проводились в большом институтском холле.

На сцене восседал президиум — секретари комитета ВЛКСМ и КПСС, ещё кто-то из авторитетных преподавателей, а сбоку у стены стояли столы, за которыми командиры будущих стройотрядов в зелёных куртках и значках составляли списки желающих. Первые три отряда направлялись на огромные стройки страны: на строительство Камского автомобильного завода в Набережных Челнах, будущего знаменитого «КамАЗа»; на строительство Красноярской ГЭС и одной из крупнейших железнодорожных магистралей в мире — Байкало-Амурской. Ещё один отряд формировался для строительства свинарника в подмосковном колхозе. Пятый отправлялся в Астрахань, где каждый год толпы молодых ребят из разных учебных заведений страны помогали собирать урожай помидоров и арбузов.

Собрание открыл комсомольский вожак, сказав о важности работы студенческих отрядов в свете решений Коммунистической партии Советского Союза в период развитого социализма, что только от них зависит успех в осуществлении грандиозных проектов Родины. В общем, все положенные в таких случаях слова. Потом объявили, что ехать и работать нужно всем, но записаться можно в любой отряд по желанию.

Начались суэта и брожение. Конечно, возобладал коллективно-стадный инстинкт, и в отряды стали записываться целыми учебными группами. Однотруппники Мити общим решением собрались ехать на строительство Камского автозавода. Однако, для него самого события стали развиваться несколько неожиданным образом. Когда он проходил мимо первого стола, его окликнул командир Астраханского ССО Витя Голик:

— Эй, Митяй! Стой-ка! Разговор есть. Митя встал у стола.

— Слушай, Дмитрий! Есть предложение: а иди-ка ты ко мне комиссаром в отряд. Поедем в Астрахань, соберём помидорчиков!

Витя Голик был из тех «взрослых» студентов, кто поступил в институт после армии и курсов подготовки. Ему было уже 25 лет, он был пар-тийным и пользовался авторитетом среди более молодых парней. Последние два года ездил в Астрахань командиром отряда сборщиков помидоров.

Предложение удивило Митю. Он никогда не думал о таких вариантах, зная, что должно-сти в отрядах распределяются в «высоких» кабине-тах, да и у Вити был свой заместитель — комиссар Олег Горячкин, высокий рыжеволосый раз-долбай.

— А что Олег - то?

- Олег завалил сессию. Неизвестно, останется ли он в институте. А мне подвисший чело-век не нужен. Тем более он стал пить много. Ну, что думаешь-то?

— Это уж очень неожиданно. Надо подумать.

— Ясно, что неожиданно, но ты мне подходишь. Я тебя знаю по разным делам. Отряд 100 человек, едем в Николино. Даю один день на размышления, потом встретимся и обсудим. Ну, до встречи. Давай.

Столь резкий поворот озадачил Митю: одно дело ехать со своей группой, где все знакомы, практически друзья, и совсем другое — с чужими ребятами и девчонками. Но соблазн стать комиссаром отряда, увидеть низовья Волги, новые интересные места, познакомиться с новыми ребятами был весьма велик. Да и заработок, возможно, будет больше.

Митька задумался. Наверно, надо соглашаться. Но... Во-первых, надо посоветоваться с родителями. Это было многолетней привычкой — родители плохих советов не давали. Во-вторых, поговорить с Аней, узнать её планы на лето. Ну и ребятам из своей группы объяснить своё решение.

— Эй, Микки, привет! Ну что, едешь с нами за помидорками?

Митя не сразу заметил всеобщего любимца — балагура Петю Горцева по кличке Перец.

— Петька, привет. Да, говорил с Витей. Он дал время подумать.

— А чего тут думать-то Трясти надо! Помнишь наш любимый анекдот? А то жизнь проходит в пахоте, похоти и перхоти. Ха-ха!

— Это точно, путешествия, приключения — окончание огорчениям! Знаю твои шуточки!

Митя всегда был готов подыграть весёлому, ироничному Петьке, соревнуясь с ним в остроумии. Не всегда получалось: Перец был общепризнанным остряком и хохмачом, ходячий КВН.

Петька продолжал балагурить: Принято, класс! Я буду у Вити завхозом отряда. Ну, как Петька при Чапае. А ты уж стань Фурмановым. Ха-ха!

— Ладно, Перец. Мне пора.

Митя поспешил домой звонить своей Ане.

— Наверное, надо принять Витькино предложение! — думал он про себя. — Заманчиво. Перспективно. И, так сказать, для карьеры полезно. Надо, надо бы уже начинать двигаться вверх.

Глава 2. ЗАХАРОВЫ

Взволнованный предчувствием перемен, влюблённый Митька буквально влетел в старую московскую квартиру на третьем этаже. Его распирало желание рассказать о собрании, о неожиданном предложении Вити Голика, но родные, обычно встречающие его радостно и тепло, выглядели подавленными, расстроенными чем-то из ряда вон выходящим.

Увидев понурые плечи деда, встревоженных отца и маму, Митька спросил с порога:

— Что случилось? Что у вас тут происходит?

— Слава Богу, ты пришёл. Садись, давай поговорим, — произнёс отец.

Митя сел на своё место за большим семейным столом, на котором стояли приборы и блюда, не убранные с обеда. Было ощущение, что родные не вставали из-за стола несколько часов, ожидая Митю. Отец начал непривычно торжественно:

— Послушай, сын. Сегодня у нас была Мария и стала вдруг рассуждать о своём желании уехать из страны. Эмигрировать, так сказать. То есть они с мужем Володей рассуждают на эти темы. Мол, Володя научный гений, а здесь ему, как еврею, ничего не светит.

— Вот это новость! Но ведь после того, как Брежнев договорился в прошлом году с американцами и евреев стали выпускать из СССР, о возможном отъезде кто только не говорит! Как в анекдоте об обмене евреев на зерно. Ха-ха! А если серьёзно, должен вам сказать, что мы с ними об этом говорили, ну так, абстрактно. Вряд ли Машка всерьёз захочет куда-то ехать.

— Дай-то Бог, конечно, но мы с мамой очень переживаем!

— Пап, извини! Я собираюсь ехать в строй отряд, и у меня голова забита мыслями о подготовке к поездке. Вот вернусь осенью из Астрахани, встретимся с Машей и Вовой, поговорим обо всём и решим.

— Хорошо бы так, решить всем вместе. Коллективно. Я-то опасаюсь, что они поставят нас перед фактом, — мама пыталась ещё что-то сказать, но отец подвёл черту:

— Всё об этом! Будем надеяться, что они одумаются. Давайте ужинать.

Совместные ужины — старая добрая традиция семьи Захаровых. Как и рассказы деда о многочисленных предках, среди которых были и чиновники, и офицеры, и крестьяне, и мещане. Была когда-то в их владении фотомастерская в Твери и большая дача в деревне Киясовке недалеко от села Михнево под Москвой, где летом собирались все для отдыха и общения. Очевидно, там и была сделана старинная фотография, хранящаяся как семейная реликвия, на которой за большим столом, полным блюд и бутылок, сидели многочисленные родственники: попы в рясах, офицеры в мундирах, мужчины в костюмах, женщины в шляпках и перчатках, дети в нарядных костюмчиках. Сзади был виден сад и красивая лошадь. Это было ещё до войн и революций, которые сократили список присутствующих на фото, разделили их, развели по разные стороны баррикад.

В девятнадцатом веке мужчины из рода Захаровых в основном были московскими священниками, служили в Никольской церкви в Хамовниках. Дед говорил, что его мать — Митина прабабушка, была при церкви просвирницей. Значение этого таинственного слова было непонятно маленькому Мите, но вопросов он не задавал. Жила семья недалеко от церкви в тихом и зелёном Тёплом переулке по соседству с домом самого Льва Толстого.

С началом безумного XX века всё пошло под откос: и тихая святая жизнь, и мир, и достаток. Да и сама церковь православная, разрушенная и замученная большевиками, фактически была запрещена, храмы уничтожены, священники репрессированы. Но почему-то большинство пошло за большевиками. Этот вопрос всегда мучал семью Захаровых, обсуждался горячо и страстно во всех поколениях и никак не получал ясного однозначного ответа. К счастью,

страсти вокруг красных и белых, другие политические дразги всех эпох, никогда не раскалывали семью. Вопросы были, они обсуждались, но это не могло стать причиной разрыва отношений среди родных ни при каких обстоятельствах!

Дед Мити, Евгений Владимирович, стал архитектором, реставрировал церкви, восстанавливал иконы, годами живя в провинции: то в Черкассах, то в Туле, то ещё где-то далеко от Москвы.

Отец — учёный в развивающейся, строго засекреченной отрасли ракетостроения. Теперь семья принадлежала скорее к московской интеллигенции, вряд ли думающей о возвращении старой дореволюционной жизни, но продолжающей следовать заветам предков: «Живи честно, работай, исполняй долг, а там будь, что будет». Эти нехитрые заповеди передавали детям и внукам, бережно сохраняемые традиции составляли основу воспитания Мити и его старшей сестры Маши, связывали поколения Захаровых незримой нитью, перекидывали мостик из прошлого в будущее. Высшей добродетелью считали милосердие, тактичность и сочувствие, умение прощать и любить: ничто не оправдывает насилие, не существует причин для причинения боли другим людям, всё можно решить мирным путём, словом, даже шуткой.

Отец рассказывал Мите о великих гуманистах, борцах с насилием Махатме Ганди и Мартине Лютере Кинге, часто читал вслух и цитировал Пушкина, Есенина, Маяковского, Гумилёва. Атмосфера дома была пропитана любовью и уважением друг к другу, поэзией и романтикой. Утро выходного дня в квартире на Басманной улице в центре Москвы, в старом большом доме, архитектором которого был дед Евгений, начиналось в 6 часов утра. Отец вставал раньше всех, «под гимн». Делал зарядку, мылся, брился и шёл на кухню готовить завтрак для всех. Обычно это были омлет, бутерброды и кофе — настоящий, сваренный в турке. Отец начинал напевать «в бананово-лимонном Сингапуре, в бури...». Митя и все остальные просыпались под Вертинского и запах кофе.

Старые добрые традиции... Как же хороши они, как греют душу, успокаивают и охраняют нас... Но бывает так, что жгучий ветер перемен ломает устои, нарушает привычный ритм жизни, грозит вырвать с корнем и разметать в разные стороны. Именно такие потрясения предстояло пережить семье Захаровых в тот невероятный переломный год.

И вот похоже тучи сгущались над семьёй Захаровых и, конечно, над Митей. Правда, пока оставалась надежда, что сестра передумает и не станет столь радикально менять и свою жизнь и привычный уклад семьи.

Глава 3. АНЯ

В то лето стояла дикая для северных широт жара, и в июне уже можно было купаться в Москве-реке. Только-только сданы все экзамены. Перед отъездом строительных отрядов в разные концы огромной страны самое время было отдохнуть где-нибудь на берегу реки. На удивление, большая компания не собралась, и Митя с Аней вдвоём поехали на Ленинские горы.

Оказалось, что желающих отдохнуть было очень много: полуголые люди загорали, выпивали, закусывали, купались по одному и компаниями... Курорт в центре Москвы! Сочи! Ялта! Нырнуть негде!

Ребята быстро разделись, бросили вещи на траву, сильно затоптанную, но ещё живую, и плюхнулись в сомнительной чистоты воду. Выходя на берег, поймали на себе взгляды компании молодых людей, соседей по пляжу, которые, не стесняясь, вслух обсуждали точёную фигурку Ани: «Девочка очень перспективная, пальчики оближешь. То ли ещё будет! Сочувствуем этому придурку...». Вступать в конфликт не хотелось. Наслаждение летом, собственной молодостью и красотой, ощущение полноты жизни переполняло душу, рождало какое-то неясное предчувствие счастья, надежду на прекрасное будущее, светлое и безоблачное.

Митя взял в руки тёплую, чуть влажную Анину ладонь. Она не отстранилась, а нежно сжала в ответ его ладонь. Это невинное прикосновение так взволновало Митьку, что он никак не мог начать разговор. Наконец, промямлил:

— Аня, я еду в стройотряд в Астрахань, на помидоры.

Аня вздрогнула, отдёрнула руку:

— Ну, вот, так я и знала, что придётся расставаться на лето. Я не хочу!

— Так ведь все записались. Я должен как все, я не могу остаться здесь один.

— Конечно, ты в плену собственной порядочности, раб коллектива. А как же я?

— Ты для меня — главное в жизни. А студотряд — это ведь общая обязанность, добровольно-принудительная, так сказать! Ха-ха! Попробуй не поехать! Тем более, я — комиссар.

— Куда же ты едешь?

— Астрахань, студотряд «Помидорка». Наем-ся до отвала!

Митя неестественно засмеялся, а Аня, упрямо тряхнув головой, неожиданно выпалила:

— А знаешь что? Я тоже поеду в Астрахань. У нас в институте есть такой отряд. Завтра и запишусь.

— Ура! Ты моя декабристка, едешь за мной в глушь, в тайгу, на каторгу.

В полном восторге Митя обнял девушку, прижал к себе и поцеловал. Эти неожиданные прикосновения взбудоражили обоих. Все предыдущие опыты детских поцелуев на школьных танцах не шли в расчёт, трепет и восторг охватили ребят, хотелось продолжения.

Первая любовь... Головокружение от первых робких прикосновений, первые поцелуи, нежность, дрожь нетерпения, первый секс и первое пробуждение вместе. Непреодолимое стремление к близости, желание обладать любимым человеком. Сколько об этом сказано, спето, снято в кино... И сколько ещё будет сказано! Первая любовь, если это действительно любовь, навсегда остаётся чистым и светлым воспоминанием.

Переведя дыхание, Митя прошептал:

— И как же теперь я уеду? Я теперь без тебя не могу...

— Так не уезжай, оставайся. Или опять расскажешь мне о своём долге?

— Тебе смешно... А я не просто сборщик помидоров, я — комиссар отряда, на мне ответственность за дело, за ребят.

— Ладно, я знаю всё, что ты скажешь. Но ведь я уже решила: мы хоть и поедem в разных отрядах, зато там сможем встретиться. Я буду скучать! А ты?

Аня лукаво улыбалась, освещённая ярким летним солнцем и как будто светящаяся изнутри. У Мити перехватило дыхание:

— Ещё бы, ещё как. Буду писать каждый день. Говорят, чувства проверяются в разлуке. Проверим?

Аня рассмеялась:

— Договорились!

Влюблённые нежно поцеловались. Расставаться не хотелось, но нужно было возвращаться домой, собирать вещи и готовиться к отъезду.

Глава 4. РАЗГОВОР С МАМОЙ

Мите так и не удалось обстоятельно обсудить с родителями свою поездку в Астрахань. Время пролетело быстро, завтра уже отъезд. Вечером, окончив хлопоты на кухне, мама посмотрела на сидевшего за столом Митю:

— Знаешь, сын, мы с папой обсуждали твоё трудовое лето. С одной стороны, мы уверены, что ты справишься. И всё же тревожно. Как всё сложится? Как будешь себя чувствовать?

— Трудно сказать, как всё будет, но, думаю, вам не стоит волноваться!

Мама была непривычно задумчива.

— Послушай, мы с тобой никогда не говори ли о жизни в нашей стране. Не хотелось навязывать своё мнение, поучать. Но ты уже очень взрослый, и я хочу поделиться своими мыслями. Вся жизнь в нашей стране представляется мне большим пионерским лагерем. Я с детства воспитывалась в детдоме. Там было хорошо, нас любили, воспитывали и учили прекрасные люди. Но это был лагерь — всё общее, всегда ты в коллективе, кругом люди, непрерывное общение. Такой добрый, честный пионерский лагерь. Ты понимаешь?

— Конечно! Я сам так живу. И думаю, что индивидуалист у нас не то, что не выживет, но ему будет тяжело. Я, например, не люблю, даже опасаясь одиночества. Без друзей мне плохо.

— Значит, ты понял, что я имею в виду. Я хотела сказать, что тебе предстоит жить в таком лагере. Не пионерском, конечно, студенческом. Но суть та же — коллектив!

— А я давно понял, что я — за колхоз! Коллективист, так сказать!

— Люблю, когда ты ёрничаешь. Всё ваше поколение растёт в иронии. Может это и хорошо, иначе всё вокруг станет слишком правильным, серым и безрадостным. Как ты думаешь, а может, в этом колхозе нам легче, лучше? В войну, я уверена, мы бы не выжили без коллективизма. И без полной мобилизации.

— Точно, мы живём в стране тотальной всеобщей мобилизации. Вот сейчас меня мобилизуют на борьбу за урожай помидоров.

— И в шутку, и всерьёз

— да! А дальше думай сам — включиться в общее дело или стенать по углам о том, как же тебе не повезло с Родиной и со временем.

— Времена не выбирают. В них живут и выживают, как сказал поэт.

— Умирают, если быть точным. Но прежде находят что-то нужное, важное, иногда даже весёлое. Ведь как хорошо, когда вы все вместе в стройотряде, заодно. Да?

— Да! Так гораздо легче переживать свою усреднённость. Униформа уравнивает.

— Ну, право на свою индивидуальность до казать надо. По-моему, нет ничего пошлее, чем заурядность, строящая из себя необыкновенность. Фу! Дрянь.

— Есть одно «но»: «пионерлагерем» легко управлять, и существует большая вероятность превращения его в концлагерь! Просто по Оруэллу.

— Да, конечно, есть такая опасность. И один раз получилось. С трудом пережили. Надеюсь, это в прошлом, и наши внуки уже будут жить в другом мире.

— Я надеюсь, в будущем найдётся баланс личного и общественного. И с харчами будет получше! Митя расхохотался, вслед за ним засмеялась и мама.

— Вот ведь как далеко разговоры заводят! А ведь тебе завтра в дорогу. Ты, сынок, пиши нам почаще. Мы будем волноваться, и я, и папа, и Маша.

— Ну, Маша вряд ли. Она вся целиком в своей любви. Такое чувство, что она забыла всё на свете. Видит только своего Володю и думает, что он самый лучший, самый умный и добрый. А вот он-то совсем не коллективист, как думаешь, мам?

— Это так. Но Маша полностью под его влиянием, вся поглощена им. Как декабристка! Ну да ладно, пусть сами решают. Митя, послушай-ка. Я тут перебирала старые бумаги и нашла письма моего старшего брата Толи с фронта.

Мама бережно достала фронтовые треугольники и протянула сыну. У Мити ёкнуло сердце. Письма из сороковых годов! Пожелтевшие страницы — свидетельства прошлого, не придуманные кем-то, а пережитые родными людьми. От волнения строчки расплывались, Митя сделал над собой усилие и начал читать.

Письмо дяди с фронта, 1944 год.

Здравствуй, дорогая сестрёнка! Поздравляю тебя с Наступающим праздником Великого Октябрюской Революции. Желаю тебе хорошо встретить и провести Великий праздник. Мне очень хотелось в этот день быть вместе, но увы — пока это только мечта. Приходится надеяться, что этот праздник последний, когда мы не все вместе — вся наша большая семья. Помнишь, как это бывало до войны. Но пока это только мечта.

Я же встречаю Праздник в «зверином логове» — Восточной Пруссии. Это большой подарок Родине от бойцов Третьего Белорусского фронта к Великому Октябрю. Ценность его возрастает ещё и потому, что Пруссия породила основы немецкой военицины и из Пруссии вышли и комплектовались наиболее звериные (по отношению к нам и людям вообще) части СС. Отсюда вышло много гитлеровских бандитов — вождей. Мы, воины Красной Армии ни на одно мгновение не забываем этого. То, что немцы творили в нашей стране — жгли, взрывали, уничтожали всё и вся. Настал наша суд, справедливый суд возмездия и мести уже в зверином логове. И его надо довести до конца. Если мы успокоимся и не доведём дело до конца, это будет преступлением перед потомками.

И ещё. Я рад, что вокруг меня такие дорогие и близкие мне люди — мои друзья — солдаты. И что мы вместе воюем и бьём врага, а потом тоже вместе будем строить новую жизнь. Но главное все вместе и вместе с вами.

Целую тебя крепко. Привет всем родным и знакомым. Твой брат Толя. Кенигсберг.

Глава 5. МИТИНГ

На площади перед институтом уже было многолюдно, а из прилегающих переулков всё шли и шли молодые люди в светло-зелёных костюмах — форме бойцов студенческих стройотрядов. Наверно, сверху это было похоже на колышущееся «зелёное море тайги», как пелось в популярной песне.

Стройотрядовская форма у ребят отличалась: на фоне новых, ещё не ношенных, светло-зелёных костюмов новичков сразу выделялись куртки «ветеранов». У них, опытных многолетних бойцов, куртки были выцветшие и застиранные чуть не до белизны, зато все в нашивках предыдущих стройотрядов с названием мест, где отряды работали. На эти расшитые и разрисованные куртки первокурсники смотрели с благоговейным уважением и завистью. Как на ордена!

Стройотряды, каждый со своим знаменем, полыхающем на солнце, строились для проведения митинга перед отправкой в разные концы СССР.

Все были студентами одного вуза и во время учёбы не раз пересекались друг с другом, так что при встрече дружески обнимались, жали руки, хлопали друг друга по плечу. В ожидании нового все были возбуждены, хохотали, толкали друг друга. А вот Мите смеяться и шутить не хотелось, давило расставание с Аней и то, что она не смогла прийти проводить его.

Первым заметил его настроение неунывающий Перец.

— Ну, что нос-то повесил, Микки?

— Да, так, волнуюсь.

Откровенничать не хотелось, а Петька не унимался:

— А я вот гляжу на эту радостную толпу молодых идиотов и чувствую сопричастность к великим делам, а? Как говорится, «гвозди бы делать из этих людей: не было б в мире тупее гвоздей!»

Перец заржал, Митя засмеялся над шуткой скорее из вежливости.

— Да знаю, знаю я все твои хворобы! Небось, девушка не пришла!.. Да? Ну, вот видишь! Угадал! А я скажу так: «Минуй нас пуще всех печалей и бабский гнев, и бабская любовь!» Усёк?

— Ну, ты! Молодой человек с уголовным будущим, не буди во мне зверя! Ап!

Петька не успел достойно ответить, к ним подошли командир отряда Витя, медсестра их отряда красавица Люда и ещё несколько «астра-ханских» бойцов. Витя сразу перешёл на командный голос:

— Что стоите, трётесь? Быстро идём! Надо строиться, всех считать и докладывать.

Едва они пробрались сквозь массу людей к своему отряду, по дороге обнимаясь и здороваясь со всеми знакомыми, митинг начался.

Над весёлой зелёной толпой раздался голос секретаря комсомольской организации института, орущего в мегафон: «Друзья! Комсомольцы!»

Митинг-прощание с отъезжающими студенческими строительными отрядами объявляю открытым!»

Речи партийного босса, проректора института, кого-то из опытных студентов-стройотрядовцев не отличались разнообразием: напутствия, пожелания успехов в труде и железного здоровья. Завершил митинг наш «комсомольский бог»:

— Ребята! Мы едем на разные стройки нашей Родины, которой очень нужен наш труд. Обещаем работать честно, качественно и выполнять все задания коммунистической партии. Друзья! Вы будете всё время вместе, вы подружитесь, поймёте, как важен коллектив, и сохраните дальше по жизни чувства дружбы и взаимовыручки. Вы увидите много нового: тайгу,

степи, города, заводы!.. Сохраните это на всю свою жизнь. В добрый путь! А теперь, с песней, разойтись по вокзалам!

Секретарь комсомольской организации института был, как всегда, на высоте. Настоящий вожак, в которого тайно были влюблены все девчонки. Охваченные энтузиазмом, в едином порыве тысячи глоток заорали: «Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги...» Песни Пахмутовой и Добронравова были в большом почёте, их с удовольствием пели по всей стране люди всех возрастов.

На всю жизнь Митя Захаров запомнил этот марш ССО-73. Зелёная река молодых юношей и девушек текла по улицам родного города. Громко звенели гитары и юные голоса кто весело, кто с иронией, а кто и торжественно вопили в московское небо: «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди...»

Изображая чеканный шаг, выкрикивая бравурные песни о молодости и комсомоле, успевая подмигивать проходящим девчонкам, со знаменем впереди стройотряд «Астрахань» приближался к Казанскому вокзалу.

Глава 6. Новые Знакомства

Ежегодно в июле-августе наступало время сбора урожая на бескрайних колхозных полях. Собрать его нужно было в короткие сроки, а рабочих рук катастрофически не хватало. Поэтому тысячи советских школьников, студентов, людей, работающих в разных сферах, отправлялись «на картошку». Это стало всем понятным устойчивым выражением: даже если убирать приходилось другие овощи или фрукты, всё равно говорили «на картошку».

И нельзя сказать, что это был рабский, подневольный труд. Многие ехали на сельхозработы с удовольствием: оторваться от рутины городской жизни и нудной работы, наесться до отвала урожая, а для молодых — это ещё и весёлая компания, знакомства, дружба и любовь. Студенческие сельскохозяйственные отряды на сборе урожая работали лучше других. Студенты и, особенно, студентки, возможно, по молодости и отсутствию равнодушного цинизма, комсомольскому энтузиазму и совестливости работали качественно. Правда, платили им по минимальной ставке, иногда вообще ничего.

Честно говоря, ни один из бойцов ССО «Астрахань-73» не думал о смысле и цене своего летнего труда, когда весело топал по мостовой с толпой друзей. Отряды, отъезжающие собирать урожай, созревающий на бесконечных полях в дельте Волги, собирались на Казанском вокзале.

Огромная толпа студентов, несмотря на кажущийся хаос, была организована, каждый отряд привязан к своему эшелону, по вокзальному громкоговорителю объявляли, где какой поезд.

Митин отряд был численностью сто человек, в основном, девчонки второго и третьего курсов с разных факультетов и двадцать парней-добровольцев.

Боевая сотня выстроилась возле своего эшелона в ожидании команды на посадку. К Мите подошёл Борис Соболенко, командир всего московского отряда, отъезжающего в Астрахань. Вместе с ним подошла группа незнакомых ребят, которые оказались студентами из ГДР, изучавшими в СССР русский язык и захотевшими ехать в стройотряд вместе с комсомольцами убирать урожай. Заодно посмотреть страну, окунуться, как говорится, в языковую среду.

— Ну, комиссар, получай пополнение в отряд. Вот бойцы. Они немцы, хотят помочь, ну и с вами познакомиться поближе. Ты не против? Ха-ха, впрочем, кто тебя спрашивает.

Соболенко был на редкость нахальным, самовлюблённым типом.

— Мы «за». Ребята, давайте к нам, будем знакомиться.

Бойцы окружили немцев. Соболенко указал на стоящую в стороне девушку:

— А это командир маленького немецкого отряда — Бригитта. Так что ты, Митя, давай её, как говорится, люби и уважай, и поддерживай, и чтобы без международных инцидентов. Понял?

Соболенко поднял вверх указующий перст, напутствуя в дорогу, и важно удалился по своим делам.

Митя протянул руку для знакомства с Бригиттой, та бодро пожала её и сказала с лёгким акцентом:

— Ты — Митя, я знаю, а командира зовут Витя. Да?

Митя, смущаясь, как никак, он впервые знакомился с иностранкой, ответил:

— Да, он пошёл осмотреть наши вагоны. Ждём команду на посадку.

Поезд, в котором предстояло ехать в далёкую Астрахань, был без особых удобств. Каждому отряду выделили по два плацкартных вагона, причём под спальные места занимали все три полки, включая багажную, иначе бы не вместились. Вот он, коллективизм в действии — ничего индивидуального, кроме спального места! Девочки занавесили свои отсеки одеялами, образовав своеобразные закрытые комнаты для переодевания. Даже непривычные к такому

быту немцы быстро сориентировались и стали вести себя, как все: развесили одежду, выложили всю имеющуюся провизию на общие столы и даже пытались подпевать.

Потихонечку все перезнакомились, подружились и ехали одной большой компанией, делились едой, играли в карты, трепались, и, конечно, пели. Сразу выделились лучшие исполнители. Митя тоже участвовал в своеобразном музыкальном турнире, но пальма первенства досталась Игорю, с яркой фамилией Высоцкий. Как замороженные, ребята слушали, как он хрипел песню про корсара.

Митя частенько с грустью вспоминал свою Аню, мечтал о встрече. Отвлекала от печальных мыслей новая обязанность — опекать немецких студентов. Мите, несмотря на то что языками, кроме русского, он не владел, очень хотелось разговорить Бригитту и Генриха, поболтать запросто.

— Ну что, ребят, как вам живётся у нас в стране?

Генрих отвечал уклончиво, с сильным акцентом:

— Живём и учимся в Воронеже, в педагогическом институте. Нам нравится в СССР, но многое непривычно, не так, как в ГДР.

Бригитта продолжала:

— Мы состоим в Союзе свободной немецкой молодёжи, что-то похожее на ваш комсомол. Очень стремились попасть в отряд вместе с русскими ребятами, так как хотим больше узнать о СССР и лучше выучить русский. Мы в будущем будем преподавать русский язык в ГДР.

Ничего интересного, всё вокруг да около, сплошной политех.

Ребята сразу стали ухлёстывать за симпатичными немками. Красавец Олег Жилкин, чемпион института по плаванию, атаковал сексапильную Эллу. Она особенно не ломалась и отвечала на его ухаживания.

Глава 7. В ДОРОГЕ

«Студенческий» эшелон шёл медленно, долго стоял на разъездах, пропуская все встречные и скорые поезда. Два дня почти без движения в вагоне — довольно тяжёлое испытание. Ещё и лето выдалось необычайно жарким, в вагоне стояла невыносимая духота, и даже ночь не приносила облегчения.

Но путешествовать молодым свободным человеком в хорошей компании таких же молодых — лучшее, что можно придумать. И, как говорится, не песнями едиными...

С загадочным видом к Мите подошёл шустрый завхоз:

— Портвейн будешь? — из Петькиных уст это прозвучало скорее утверждением, чем вопросом.

— Э, алё, какой ещё портвейн? У нас сухой закон! — включил Митя сознательного комиссара.

— Ну, не хошь, как хошь. А мы тут с командиром запаслись.

— А, ну если с командиром, другое дело. На то он и командир.

Уйдя втроём в тамбур, они пили из горлышка портвейн «Кавказ». Думаю, если бы в Португалии, на родине настоящего портвейна, узнали об этом напитке, то объявили бы нам войну. Питьё алкоголя из горлышка называлось «привалом горниста». Мастера этого дела показывали разные приёмы, как успешнее это сделать. Митя не был большим любителем такого развлечения, но и оставаться в стороне от коллектива не мог. Нельзя было. Это означало будущее одиночество и клеймо некомпанейского человека.

Через несколько минут верхушка отряда уже дружно употребляла бормотуху. Духота и «ароматы» вагона составляли дополнительный риск опьянеть и опозориться перед всеми бойцами. В отличие от командира Вити — опытного, матёрого выпивохи, Митя особенно не частил и активно закусывал холодными домашними котлетами, малосольными огурцами и варёны-ми яйцами, непременно составляющей дорожной еды.

Наконец, Витя скомандовал:

— Ну всё, хорош! Пойдём в вагон, а то наши там разыграются. Уж я-то знаю.

Действительно, в вагоне уже начался праздник свободы. Начинался вечер песни и танца. Заводилой на этот раз был великолепный гитарист и певец Сашка Орлов, по мнению многих — гений гитары. Он пел весь тогдашний репертуар советской и андеграундной музыки. Апофеозом его таланта было исполнение легендарной рок-оперы «Jesus Christ Superstar» — «Иисус Христос — суперзвезда». Без преувеличения гениально он исполнял арию Иуды. Все затихали. Все внимали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.